

ЗИНАИДА ГИППИУС

СУДЬБА
АПОЛЛОНА
ГРИГОРЬЕВА

Зинаида Николаевна Гиппиус

Судьба Аполлона Григорьева

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26117693

Аннотация

По поводу статьи А. А. Блока, приложенной к
«Стихотворениям Аполлона Григорьева»

Зинаида Гиппиус

Судьба Аполлона

Григорьева

О статье Блока «Судьба Аполлона Григорьева» было несколько отзывов, в той же мере неинтересных, в какой интересна сама статья.

Говорили, что у Блока нет А. Григорьева, что образ взят неверно. Говорили, что Блок не считался с такими-то источниками, вот это или то упустил. Наконец, упрекали за полемический тон статьи. Упрекали, впрочем, вяло. Обычное невнимание, равнодушно-снисходительное отношение к «прозе поэта», – с ней не считаются...

Между тем и статья, и полемический тон автора, и даже вот это общее добродушное невнимание в высшей степени любопытны и показательны для современности.

Насколько верен у Блока портрет А. Григорьева и верна исторически «судьба» его – я не берусь судить. «Истории» вообще мало в статье, центр ее и смысл, во всяком случае, не исторический, т. е. никакой объективности в ней нет. А. Григорьев под пером Блока вырастает в символический образ; судьба его – судьба русского человека, душа которого «связана с глубинами», с «прозябаньем дольней лозы», более сложная, чем души властителей жизни, стоящих толь-

ко на «славных постах», под знаком «правости и левости». Судьба такого сложного человека – гибель, ибо властители жизни не прощают «касания к мирам иным».

Даже о Грибоедове и Пушкине Блок говорит: «...они погибли. Их наследие было опечатано...» – «шумным поколением сороковых годов во главе с Белинским, „белым генералом“ русской интеллигенции». «Белинский, служака исправный, торопливо клеймил своим штемпелем все, что являлось на свет Божий. Весьма торопливо был припечатан и Аполлон Григорьев...»

Несколько раз оговаривается Блок:

«Теперь, когда твердины косности и партийности начинают шататься...» теперь, когда «русское возрождение успело расшатать некоторые догматы интеллигентской религии...» Но эти оговорки неубедительны. Не в исторической проекции видит Блок Григорьева: чувствует его как будто здесь, сегодня, в животрепещущей современности. Как будто еще сегодня «глумятся» над Григорьевым «властные», судя его с точки зрения «левости – правости», и травят за то, что он «не вмещается в интеллигентский лубок». Опять «страдает» страдалец, и опять «не от правительства»; терпит – но не за «идеи» (в кавычках); умирает, но не «оттого, что был честен» (в кавычках). До сих пор! – говорит нам Блок и подчеркивает следующими словами: Григорьев «обладал даром художественного творчества и понимания; и решительно никогда не склонялся к тому, что „сапоги выше Шекспира“, как

это принять делать в русской критике от Белинского и Чернышевского до Михайловского и Мережковского».

Если так, если даже о сю пору бьет грубый Белинский нежного Григорьева сапогами по голове за неотказ от Шекспира, если и тогда бил именно за Шекспира, из ненависти к Шекспиру и ради верности «сапогам», если это так – прав Блок в живом своем негодовании; прав, утверждая, что «судьба Григорьева – соблазнительна...»

Разберемся, однако, в этой «судьбе», не поддаваясь никаким «соблазнам»; исследуем «фатальную гибель» сложного и глубокого человека – тогдашнего (т. е. именно А. Григорьева) – от людей несложных и неглубоких (т. е. «либералов»). Блок уверяет, что это гибель именно фатальная, что все «тогдашнее» – как бы и «теперешнее»; что и сегодня мы видим А. Григорьевых, от «либералов» погибающих. Не увлекается ли Блок? Ясно ли видит, глядя на прошлое? Ясно ли видит, глядя на современность?

Подлинный, исторический Ап. Григорьев был смутен, слаб, недоделан ни в чем – ни в таланте, ни в характере. Он весь состоял из «педохваток»: сложен, проникновенен, религиозен, с душевной чистотой, многоспособен, и... решительно во всем «недохватка». Судьба к нему была несправедлива. Но... по тому закону, который выше справедливости (между прочим, это и закон истории), – «у имеющего недостаточно отнимется и то, что имеет». На встречном пороге исторической реки он завертелся щепкой; завертелся и про-

пал – насколько пропал.

Отношения либералов к Ал. Григорьеву во всей полноте – я не знаю. На Блока в данном случае опираться опасно. Думаю, до объективно-точных фактов все равно не доберешься. Достаточно и того, что мы знаем: «травля» (как называет Блок отношение «либералов» к А. Григорьеву) – была. Эти «узкие» люди предъявляли к «широкому» А. Григорьеву требования, на которые он не мог или не желал ответить; какие требования? Из статьи Блока ясно: требовали, по праву сильных (ведь они были «властители дум»), чтобы Григорьев отрекся от ненавистной широты ради их «узости». Не смел думать о «Шекспире», если есть «сапоги». Словом, обязывали его принять свой «либеральный лубок».

Вот первая, главная ошибка Блока, его историческая – да и не только историческая – слепота. Если не факты – смысл фактов от него ускользает безнадежно.

«Либералы» требовали от А. Григорьева гораздо большего и гораздо более глубокого, нежели всевозможные либерализмы: требовали человечества. И не подчинения, а равенства.

Дело вот в чем: быть «человеком» – значит уметь сделать выбор, быть на него способным, то есть способным и на жертву, так как без жертвы нет выбора. И в этом выборе, в этой жертве, надо уметь за себя отвечать.

Каждая историческая эпоха требует своего выбора, у каждой есть свое «направо», свое «палево», как бы эти правости

и левости ни усложнялись и ни видоизменялись. Но закон выбора и античной жертвенности для «человека» постоянен и неумолим; уклоняющийся (все равно почему) выпадает, как человек, из истории и, если он не гениален, не остается особняком на своей вершине, которую далеко отовсюду видно, – сам делается жертвой. Вертится, как щепка, и, глядь, пропал в водовороте. Судьба Григорьева и многих, многих Григорьевых – вот эта «пассивная жертвенность». Его «не хватило» на выбор, на жертвы активные.

Только глядя назад, в историю, мы можем с известной отчетливостью определять, в чем именно был очередной человеческий выбор того или другого времени. Современники, делающие выбор, делают его часто бессознательно; интуитивно-волевой, – он все же остается именно выбором.

Белинский, Чернышевский, Писарев, все эти «либералы» так называемые, свой человеческий выбор сделали. Тут же прибавляю (еще не судя выбора как выбора), что его сделали, в равной степени, и Погодин, и Катков, и Леонтьев... только не сделали Аполлоны Григорьевы. В конце концов даже Фет, в меру своего «человечества», сделал весьма определенный выбор. И никакой «травли» на него не было, не вышло. Вообще между людьми разного выбора, но равно-людьми возможна только борьба, а «травля» даже не мыслится. И есть победители, есть побежденные, – но «затравленных» нет. Человека, если он не потерял человечества, ни «травить», ни «затравить» нельзя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.